

У.Ю. ВЕРИНА (*Минск, Беларусь*)

УДК 821.161.1

МАРГИНАЛЬНОСТЬ АСЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА: МЕЖДУ ГРАФИКОЙ И ПОЭЗИЕЙ, ЯЗЫКОМ И СМЫСЛОМ, ИСКУССТВОМ И ПОЛИТИКОЙ

Аннотация. Асемическое письмо в манифестах современных авторов объявляется антитоталитарным постъязыком, способным создавать смысл ненасильственным путем, и это принципиально отличает асемическое письмо от привычного знакового. Вторым постулатом, важность которого подчеркивается в программных выступлениях, является особость такого письма, не принадлежащего ни визуальным, ни вербальным искусствам в полной мере, отличающегося и от таких явлений, как визуальная поэзия, «книга художника» и др. В современных практиках асемическое письмо приобретает функцию политического или социального жеста и используется художниками для экспериментов по проверке толерантности, опознания языка и выявления отношения к нему и к самому факту акционизма.

Маргинальность национальная и культурная также присутствует в подобных практиках. Асемическое письмо является не только художественной репрезентацией «культуры гетто», но и создается преимущественно в иноязычной и инокультурной среде. Переходность асемического письма как вида искусства делает его способом адекватного выражения разных видов маргинальности. Кроме того, явление асемического письма продолжает линию авангардных практик начала XX в., в которых идеи создания нового языка приводили к леворадикальному политическому выходу.

Ключевые слова: асемическое письмо, маргинальность, акционизм, литературное творчество.

Асемическое письмо – достаточно разнородное явление, которое объединило разные практики общей идеей письма без букв и слов как создания смысла «ненасильственным путем». Асемическое письмо заключает в себе две основных идеи: смысла, выраженного без слов, и принципиальной бессмысленности, опрокидывания созданного образа языка. Первая идея продолжает давнюю линию поиска поэтами языка

без слов («О, если б без слова сказаться душой было можно!») и представляет собой вымышленные изображения, которые не могут быть прочитаны. Достаточно близка этой идее беспредметная живопись, явления «ксеноглоссии» (феномен Элен Смит или Вилли Мельникова), многочисленные эксперименты с вымышленными языками. Вторая – это, по сути, имитации. Это именно образ языка, который узнается как потенциально существующий.

Первый манифест асемического письма был создан австралийцем Тимом Гейзом, и среди прочего там говорилось: «Искусство, использующее слова, есть насилие. Написанное слово активирует слово, находящееся в сознании читателя, – это форма тоталитарного влияния на разум». Себя Тим Гейз предпочитает называть не художником, а «автором», а вместо словосочетания «асемическое письмо» использовать слова «асемик» или «асемики»; наиболее корректным определением асемического письма считает следующее: «Текст, который нельзя прочесть». И поясняет: «Конечно, можно было высказаться и точнее и сложнее. Однако я верю в силу этимологических ловушек: слова могут обретать новые значения, иногда противоположные значению своих реальных этимологических корней. Стоит Вам только произнести словосочетание «асемическое письмо», результат непредсказуем, вне зависимости от того, каким языком вы пользуетесь... Слово «асемик» короткое, легко запоминается и не обременено лишними коннотациями, во всяком случае, на сегодняшний день» [Джейкобсон: 60].

В манифесте Тима Гейза подчеркивается преемственность и неисклнучительность асемического письма в ряду таких прецедентов, как леттризм, мэйл-арт, абстрактная живопись, заумь, визуальная поэзия, автоматическое письмо, конкретная поэзия и др., и названы имена Анри Мишо, В. Кандинского, А. Крученых, П. Клее, Х. Миро многих других. Асемическое письмо остается в общем для целого ряда направлений и индивидуальных практик полев поиска «нового языка» искусства, способного выразить «невыразимое», в русле идей создания общепонятного языка. Узнаваемо звучат объяснения Тима Гейза: «...Существует нечто помимо слов, способное отобразить наши мысли. Некоторые асемики, как мне кажется, могут сказать больше, чем слова. Язык – это наносное, давление родовых связей. Если каждый сможет преодолеть свой личный язык, то есть шанс почувствовать свою вовлеченность во всечеловеческое целое. Иногда мне кажется, что асемическое письмо – первый шаг к телепатии» [Джейкобсон: 60].

Казалось бы, здесь нет ничего, что уже не было бы известно и опробовано в долгой истории мирового искусства, однако асемическое письмо способно приобрести самостоятельное и актуальное значение,

реализуя потенциал переходного явления, не принадлежащего целиком области эстетического или политического, литературного или живописного и т.д., а сочетая все возможности разом, т.е. будучи феноменом самой маргинальности. Это свойство асемического письма рассмотрим на примере деятельности минских асемистов Екатерины Самигулиной и Юлия Ильющенко, в которой оно проявляется, как нам кажется, со всей очевидностью.

Е. Самигулина и Ю. Ильющенко выступают как теоретики и практики асемического письма, участвуют в выставках, сами организуют их, читают лекции об асемическом письме, публикуют статьи и манифесты, ведут блог, размещают свои материалы на собственном сайте, акции фиксируют на видео и публикуют записи, пишут стихи, исполняют их в музыкальном сопровождении, участвуют в перформансах, – можно видеть, что деятельность их разнообразна и тяготеет к публичности. За последние несколько лет асемическая практика Е. Самигулиной и Ю. Ильющенко приобрела отчетливый леворадикальный уклон, декларируемый в манифестах. Художественная практика при этом не всегда целиком совпадает с программой или предложенным толкованием, сохраняя, даже в акциональных формах, зерно «чистого» искусства. Открытость интерпретации и ненасильственность, заявленная Тимом Гейзом, отчасти входит в противоречие со стремлением самих минских авторов толковать и интерпретировать свои произведения в русле близких им социально-политических идей. Хотя и авторская интерпретация может быть интерпретирована вместе с произведением, стать его частью, – что мы и пытаемся показать в данной статье.

Для восприятия асемических произведений чрезвычайно важен контекст. Не имеющие смысла «антизнаки», нанесенные на бумагу, холст, ткань и размещенные в рамках на стенах галереи, оказываются в ряду с произведениями различных направлений авангардного искусства XIX–XX вв., и, оказавшись в ситуации посетителя выставки, можно уверенно начинать вспоминать прецеденты (леттризм, визуальная поэзия и т.д.). Асемическое письмо, нанесенное на деревья, уличные растяжки, транспаранты, вынесенное в пространство повседневности или зафиксированное на видео в процессе создания, входит в контекст настоящего, сливается с ним и обнаруживает способность диктовать смысл – пусть и не единственно возможный. В сопровождении манифеста смысл, казалось бы, определяется однозначно, но в силу ненадежности авторского намерения вообще, здесь особенно интересно расхождение его с возможными интерпретациями.

В 2011 г. Е. Самигулина и Ю. Ильющенко создали совместный проект «Асемические таблицы: “мужское – женское”», который пред-

ставили на первой в Беларуси выставке асемического письма (Могилев, октябрь 2012 г.) в сопровождении манифеста на русском и английском языках. Кроме манифестов, которые читаемы только отчасти и сами являются примерами асемического письма, в живом журнале авторы поместили разъяснения по поводу того, что их асемические таблицы «представляют собой своеобразное исследование мужской и женской чувственности», что авторы старались «апеллировать непосредственно к ощущениям, внутренней лирике, чистым эмоциям, исключая всевозможные посредственные смыслы, которыми перегружены слова в современном языке» [Самигулина 2012]. В этих разъяснениях, говорящих о «внутренней лирике», сильна эстетическая составляющая, сам пояснительный текст приближается к стихотворению в прозе: «Каждая таблица – это своего рода визуальный код, который существует в динамическом нелинейном пространстве и подобен шелесту листьев в кронах деревьев, шуму волн, разбивающихся о каменистый берег, звукам ветра, играющего в заводских заброшенных постройках...». Авторы высказывают сожаление о том, что «визуальное пространство и плоскость обладают конечными сущностными возможностями», расширению которых и служит, по их мнению, асемическое письмо, которое наделено «бесконечно глубоким потенциальным смыслом, визуальной формой выражения чувств, эмоций, подсознания, интуитивных мыслей, еле уловимых шорохов ума» [Самигулина 2012].

В 2013 г. «Асемические таблицы: “мужское – женское”» были представлены в Минске, в Белом кабинете Д. Строчева, совместно с И. Куликовым, белорусским поэтом, создателем книги «Свамова». В этой книге, согласно аннотации, поэт предложил «новое видение белорусского языка, которое уходит корнями в индоевропейское прошлое и идеал которого – чистота». В таком контексте асемический проект Е. Самигулиной и Ю. Ильющенко вновь оказался близок известным практикам поиска нового языка: на столах и стенах были размещены работы, авторы произносили манифесты, присутствовавшие поэты читали стихи, и всё оставалось в границах эстетического эксперимента, не поражающего своей новизной, а скорее, наивностью авторов, словно не подозревающих о существовании череды своих предшественников.

Однако статьи Е. Самигулиной, которые публиковались в сборниках работ молодых ученых, а также на сайте журнала «Слова» с 2014 г., демонстрировали значительную осведомленность в области исследований практик футуризма, леттризма, конкретизма, «скрибентизма» и др. и свидетельствовали о становлении собственной теории асемического письма. Е. Самигулина составила собственную историю «универсального языка»: от трактата Раймона Луллия «Ars Magna»

(XIII в.), лингвопроектирования Р. Декарта и Г. Лейбница до «трансатлантического языкового пространства» Ю. Джоласа и Э. Э. Каммингса, зауми И. Зданевича. И если Ю. Джолас и Э. Э. Каммингс, как пишет Е. Самигулина, ограничились «рейсом “Нью-Йорк – Париж”», не выйдя за границы европейских алфавитов и «полностью проигнорировав арабскую, японскую, китайскую и т.д. письменность» [Самигулина 2014а], то И. Зданевич и представители группы «41» декларировали «новый интернационал». Леттризм и А. Мишо совершили «исход на Восток», посягнув не только на слово, но и букву, что и стало, по мысли автора, предпосылкой для возникновения в конце 1980-х гг. асемического письма.

Утверждая интернациональность асемического письма, Е. Самигулина признает, что произведения «сохраняют особенности письменной культуры той страны, откуда родом создатели этих работ» [Самигулина 2014]. В качестве примера приводит проект Ху Бинга «Книга с Небес», представляющий собой четыре тысячи несуществующих иероглифов. Е. Самигулина полагает, что он «отсылает нас к китайской же традиции “спонтанного письма”», и даже предлагает следом своего рода классификацию национальных традиций: «Европейское и американское асемическое письмо больше апеллирует к традициям европейского авангарда, используя методы коллажа и фроттажа (метод, изобретенный Максом Эрнстом); российские авторы тяготеют к примитивизму работ Крученых и Розановой» [Самигулина 2014].

На наш взгляд, обращение современных авторов к восточным письменностям не имеет причин, коренящихся в самих этих письменностях или традиции той или иной авангардной школы – тем более национальной. Дело в том, что асемическое письмо, создающее образ языка, который воспринимается как потенциально существующий, оказалось способным воплощать и провоцировать актуальные социально-политические смыслы. Здесь, по нашему мнению, возникает противоречие, которое состоит в том, что хотя асемическое письмо и декларируется как наднациональный, общепонятный язык, при определенных условиях восприятия и интерпретации смыкается с проблемой национальной идентичности. Провокация узнавания языка, сама попытка прочтения может быть частью замысла, запланированным смыслом.

В феврале 2018 г. в рамках Фестиваля утопий Е. Самигулина и Ю. Ильющенко выступили с лекцией «Asemic Intervention: постязыковые практики маргинальных групп», основной идеей которой было представление асемического письма как способа художественной репрезентации культуры гетто в современном европейском контексте. Авторы исходили из того, что «феномен восприятия Другого... обрас-

тает новыми оттенками социального напряжения», и в доминирующих сообществах происходит «редукция образа Другого до негативно интерпретируемых маркеров» [Asemic Intervention], имея в виду язык, который для носителей этого языка зачастую сводится «к ряду графических особенностей». Воспроизведенные в определенном контексте, эти особенности дают возможность «исследовать подлинные реакции людей на символы воображаемых гетто», т.е. асемическая акция становится социологическим экспериментом, «сняющим завесу с лицемерного содержания социального напряжения», сам жест при этом становится «интервенцией, террористическим постъязыковым актом» [Asemic Intervention].

В лекции Е. Самигулина говорила о том, что асемическое письмо содержит в себе потенции достижения некой субъектности. Современный человек компилирует в себе большое количество идентичностей, но в пространстве доминирующей культуры (русский во Франции, кавказец в России) его идентичность редуцируется до определенной суммы характеристик. И происходит следующее: «Среди текучих и мерцающих субъектов вы субъект вполне определенный, а значит, вы не субъект, а объект. Вы находитесь внутри типологии, классификации, не имея возможности выбраться из нее». Использование своего национального языка в инонациональном окружении неизбежно означает редукцию до клише.

Примечательно, что потребность в асемическом письме нередко возникает в условиях национальной маргинальности. Яркий пример – Сэм Роксас-Чуа (Sam Roxas-Chua), филиппинец, усыновленный китайской семьей, живущий в США. Владея четырьмя языками, художник и поэт так и не нашел художественного языка, который не делал бы его представителем одной узкой культуры: филиппинцем в Китае или китайским эмигрантом в Орегоне. Или Жан-Кристоф Жакоттино (Jean-Christophe Giacottino) – наполовину араб, наполовину француз, создает асемические произведения, отсылающие к арабской культуре в целом, а не апеллирующие к проблемам арабов во Франции.

Е. Самигулина и Ю. Ильющенко представили и собственный опыт асемической акции, социологического эксперимента, который провели не в Минске, а в Берлине в апреле 2017 г. Ю. Ильющенко написал в «Фейсбук»: «Вчера в Берлине, в Fritz-schlos park сделали асемический проект. Но бдительные немецкие фройляйн вызвали на нас три машины ментов, и прежде чем мы закончили проект, Тае Атех (Е. Самигулина. – У. В.) прочла немецким полициям целую лекцию про асемическое письмо. Они послушали, переписали паспортные данные, слово «асемик», сделали фотки работ и уехали, но на их лицах

читалось недоверие, а вдруг все же это арабский и мы сотрудники игил¹. Больше фоток и описание проекта позже в нашем блоге...».

Описание проекта на английском, арабском и русском языках появилось под заглавием «Террористический манифест асемических работников». В нем не содержалось идей, изложенных в лекции или в аннотации к ней. Автор (по всей видимости, Ю. Ильющенко) сосредоточился в большей степени на проблемах социально-политических. Вот несколько первых фраз, дающих представление о стилистике и содержании манифеста:

«Европейские спектакли экзорцированы коммунизмом. Пролетариат, поверженный буржуазией после двух мировых войн, одержал наконец победу в 2007, смог пролетаризировать весь мир.

И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ

Мы видим спектакль террора, созданный Европой, и мы видим, как все буржуазные силы объединились в порочном союзе для поддержания этого спектакля. Где же оппозиция, не участвующая в брендинге терроризма, и где же оппозиция, способная противостоять созданию бренда укора демонстративного терроризма» [Tae Ateh & Karen Karnak].

Манифест также акцентировал особую роль асемического искусства в современном мире, однако эта роль не в создании наднационального языка, или ненасильственном создании смысла, или открытости восприятия, она объявлена как активное противодействие установленным правилам, как бунт против «любых стабильных форм» в искусстве: «Мы будем захватывать площадки, предназначенные для “кураторских”, освященных капитализмом проектов, под наши собственные цели... Мы не используем никакой старой символики, наше знамя – асемическое. Без конкретного цвета, формы, запаха. Мы сжигаем свои знамена и ежедневно сотворяем новые, отличные от предыдущих. Нас можно узнать по нашему нестабильному безумию...» [Tae Ateh & Karen Karnak].

Это описание проекта, выполненное в виде манифеста, отвечает общей тенденции записей в блоге Ю. Ильющенко и Е. Самигулиной последних лет, когда они касались проблемы отсутствия в Беларуси радикальных художников, публиковали «Манифест в защиту классовой борьбы и против буржуазного искусства», «Asemic Manifest III» на английском и урду [Ekaterina Samigulina]. Похоже, что асемическое

---

¹ Организация, запрещенная на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

письмо из разряда «чистого» искусства перемесилось на передовую. И в этом, на наш взгляд, оно повторяет путь леттризма и зауми к революционным политическим движениям, в обоих случаях – через идеи создания интернационала.

О. Юрьев писал о разнице между бессмыслицей и заумью как о консервативной и революционной практиках соответственно. Бессмыслица сохраняет «всю предысторию смысла», заумь «уничтожает предшествующие смыслы» [Юрьев 2013: 59]. Это литературная и политическая «левизна». Вероятно, и «транснациональная телепатия», объявленная Тимом Гейзом, требует от художника «левого выхода».

Через идею создания антитоталитарного постязыка – к интернациональному языку – и к социально-политической программе. При этом принципиальная переходность, «флюидность» асемического письма делает его способом адекватного выражения разных видов маргинальности, и на знаменах асемизма проступают вполне осмысленные лозунги.

ЛИТЕРАТУРА

Джейкобсон М. «Без слов»: интервью с Тимом Гейзом / пер. Г. Коломыйца // Слова: лит.-филос. журнал. [б.г.]. № 6. С. 59–63.

Самигулина Е. Асемическое письмо как интернациональный феномен искусства // Слова: лит.-филос. журнал. [Публикация на сайте журнала от 4 марта 2014]. URL: <http://slova.name/blog/statya-ob-asemicheskom-pisme.html>.

Самигулина Е. Выставка асемического письма в Беларуси // Запись в живом журнале от 15 окт. 2012. URL: <https://tae-ateh.livejournal.com/tag/asemic>.

Самигулина Е. Поиски универсального языка: от Раймона Луллия до Тима Гейза // Репозиторий БГПУ: сб. работ молодых ученых. Минск: БГПУ, 2014а. URL: <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/6036/1>.

Юрьев О. Геннадий Гор: Заполненное зияние-2 // Юрьев О. Заполненные зияния: Книга о русской поэзии. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 49–63.

Tae Ateh & Karen Karnak. Террористический манифест асемических работников. 2017. URL: <https://www.alytusbiennial.com/2-uncategorised/775-terrorist-manifesto-of-asemic-workers.html>, Пер. на рус.: Ekaterina Samigulina & Karen Karnak URL: <http://azbukaedd.wixsite.com/eksakaka/asemic-freedom-and-asemic-control>.

Asemic Intervention: постязыковые практики маргинальных групп. 2015. URL: <https://www.facebook.com/events/715443285316892/>.

Ekaterina Samigulina (Tae Ateh). Ekaterina Samigulina answering Mark Giovenale's questions on behalf of Asemic International (Asemic Manifest III). URL: <http://azbukaedd.wixsite.com/eksakaka/single-post/2015/12/03/Asemic-Manifest-III>.

REFERENCES

Dzheykobson M. «Bez slov»: interv'y u s Timom Geyzom / per. G. Kolomytsa // Slova: lit.-filos. zhurnal. [b.g.]. № 6. S. 59–63.

Samigulina E. Asemicheskoe pis'mo kak internatsional'nyy fenomen iskusstva // Slova: lit.-filos. zhurnal. [Publikatsiya na sayte zhurnala ot 4 marta 2014]. URL: <http://slova.name/blog/statya-ob-aseicheskom-pisme.html>.

Samigulina E. Vystavka asemicheskogo pis'ma v Belarusi // Zapis' v zhivom zhurnale ot 15 okt. 2012. URL: <https://tae-ateh.livejournal.com/tag/asemic>.

Samigulina E. Poiski universal'nogo yazyka: ot Raymona Lulliia do Tima Geyza // Repozitoriy BGPU: sb. rabot molodykh uchenykh. Minsk: BGPU, 2014a. URL: <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/6036/1>.

Yur'ev O. Gennadiy Gor: Zapolnennoe ziyanie-2 // Yur'ev O. Zapolnennyye ziyaniya: Kniga o russkoy poezii. M.: Novoe lit. obozrenie, 2013. S. 49–63.

Tae Ateh & Karen Karnak. Terroristicheskiy manifest asemiche-skikh rabotnikov. 2017. URL: <https://www.alytusbiennial.com/2-uncategorised/775-terrorist-manifesto-of-asemic-workers.html>, Per. na rus.: Ekaterina Samigulina & Karen Karnak URL: <http://azbukaedd.wixsite.com/eksakaka/asemic-freedom-and-asemic-control>.

Asemic Intervention: post"yazykovye praktiki marginal'nykh grupp. 2015. URL: <https://www.facebook.com/events/715443285316892/>.

Ekaterina Samigulina (Tae Ateh). Ekaterina Samigulina answering Mark Giovenale's questions on behalf of Asemic International (Asemic Manifest III). URL: <http://azbukaedd.wixsite.com/eksakaka/single-post/2015/12/03/Asemic-Manifest-III>.